

DOI 10.35775/PSI.2026.131.2.018

УДК 32.327

ЕСЯТЭ УНАЭР

аспирант кафедры публичной политики
и истории государства и права, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, г. Москва

КОНЦЕПЦИЯ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» КАК ДОКТРИНАЛЬНАЯ ОСНОВА КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Усиление геополитической конкуренции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), который является эпицентром мировой экономики и политики, определяет актуальность данного исследования, так как концепция «сообщества единой судьбы человечества», проводимая Китаем, позиционируется как новая доктринальная основа его внешней политики, предлагающая альтернативную модель регионального и глобального управления в данном регионе. Изучение данной концепции, ее инструментария и практической реализации в АТР позволяет понять стратегические цели, методы и возможные последствия растущего влияния КНР в ключевом регионе мира. Объект исследования – внешнеполитическая стратегия Китайской Народной Республики в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI веке. Предмет исследования – концепция «сообщества единой судьбы человечества» как доктринальный фундамент, идеологические рамки и набор практических инструментов китайской дипломатии в АТР. Цель исследования – проанализировать содержание, генезис и функции концепции «сообщества единой судьбы человечества», выявив ее роль в формировании и продвижении стратегических интересов Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Систематизированы ключевые элементы указанной концепции. Доказана ее центральная доктринальная роль в современной китайской дипломатии, а также выявлены стратегические и геополитические преимущества, которые Китай извлекает из ее продвижения в АТР. Данное исследование эвристически подтверждает, что данная концепция служит не только риторическим конструктом, но и многоуровневой стратегией, направленной на реформирование регионального порядка в соответствии с китайскими представлениями о стабильности, развитии и иерархии.

Ключевые слова: многополярный мир, китайская дипломатия, внешнеполитическая деятельность, геополитика, мягкая сила.

Введение. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» [2. С. 6-18; 14. С. 547-554] была официально представлена председателем Си Цзиньпином в 2013 году и с тех пор остается краеугольным камнем внешнеполитической риторики и дипломатической практики Китая. Эта концепция предлагает

видение мира, основанное на принципах взаимной выгоды, сотрудничества, коллективной безопасности и совместного развития с учетом культурных традиций народов: «В Столкновении Цивилизаций Сэмюэл П. Хантингтон предполагает, что культурная и религиозная неидентичность людей является основным источником конфликта. По его мнению, культурные конфликты трудно разрешить, если стороны конфликта имеют разные убеждения» [7. С. 4]. В ее основе лежит отход от представлений о международных отношениях как о «войне всех против всех» и нулевой сумме, акцентируя вместо этого взаимозависимость, общие вызовы (такие как изменение климата, терроризм, экономические кризисы) и необходимость совместных решений, то есть концепция апеллирует к таким традиционным для китайской дипломатии принципам, как «мирное сосуществование» и «гармония, но без единообразия» одновременно облекая их в современные глобальные рамки. Геополитическую важность Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) для Китая и мира в целом невозможно переоценить так как АТР является наиболее динамичным экономическим пространством планеты, на который приходится львиная доля мирового ВВП, торговли и инвестиционных потоков. В этом регионе расположены ключевые морские коммуникации, от которых зависит глобальная логистика, а сам регион отличается высокой плотностью демографических, экономических и военно-стратегических потенциалов, включая такие державы, как США, Китай, Япония, Индия, Россия, а также влиятельные объединения (АСЕАН). В АТР пересекаются и зачастую сталкиваются интересы всех великих держав, что создает зону как беспрецедентных возможностей для роста, так и серьезных рисков конфронтации. Для Китая, чье экономическое благополучие и безопасность неразрывно связаны с морскими путями и соседними государствами, АТР – это естественная сфера жизненно важных интересов и поэтому продвижение концепции «единой судьбы» в первую очередь тестируется и реализуется именно в региональном контексте, выступая инструментом формирования благоприятной внешней среды, снижения напряженности, вызванной «подъемом Китая», и легитимации его лидерской роли.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 5; 8; 11; 12; 13; 15; 17; 18].

Однако проблему реализации концепции «сообщества единой судьбы человечества» как внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики в Азиатско-Тихоокеанском регионе нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Основная часть. Китайская дипломатия – это комплексная, стратегически выверенная и исторически обусловленная система осуществления Китайской Народной Республикой внешнеполитической деятельности, направленная на обеспечение национального возрождения («китайской мечты»), защиту суверенитета и безопасности, а также на создание благоприятных международных условий для устойчивого развития страны: «...строительство собственного миропорядка «тянься» через систему международных отношений нового типа

и сообщество единой судьбы для человечества реализует, по словам Ян Цзечи, «дипломатические идеи Си Цзиньпина», считающего «мировое развитие своей конкретной задачей» [9. С. 78-79]. Характер китайской дипломатии формируется под влиянием уникального сочетания традиционной китайской философии государственного управления, социалистического строя с китайской спецификой и прагматичных расчетов современной мировой державы.

Характерные черты китайской дипломатии включают:

- принципиальность в вопросах суверенитета и неприкосновенности территории так как Китай жестко отстаивает модель невмешательства во внутренние дела, рассматривая любые попытки обсуждения своих внутривнутриполитических вопросов (Тайвань, Синьцзян, Тибет, Гонконг) как прямую угрозу основополагающим интересам, то есть территориальная целостность является «красной линией»;

- долгосрочная стратегическая перспектива и терпение, когда внешняя политика строится на логике «столетних целей», а не краткосрочных электоральных циклов. Китай готов десятилетиями последовательно двигаться к стратегическим целям, используя постепенную экономическую и институциональную экспансию, что отражает традиционный принцип «тайцзи» [6. С. 160-165] достижения результата через мягкое, но неуклонное давление;

- прагматизм и гибкость в тактике, достигаемые при стратегической жесткости в самих дипломатических методах тем не менее Китай демонстрирует утилитарный подход, готовый сотрудничать с любыми режимами, независимо от их идеологии, если это сулит экономические или политические дивиденды. Дипломатия балансирует между конфронтационной риторикой и поиском точек соприкосновения в зависимости от конъюнктуры, сохраняя потенциал человеческого развития: «...в отличии от западных абстрактных идей о человеческом развитии речь идет об активной позиции человека, который воздействует на природу (под природой понимается весь окружающий мир), изменяя его к лучшему» [16. С. 129];

- дипломатия тесно интегрирована с экономической стратегией («дипломатия во имя развития») – инвестиции, торговые соглашения, инфраструктурные проекты (в рамках BRI) являются основными инструментами влияния, создания зависимостей и формирования лояльности элит других стран;

- несмотря на активную работу в многосторонних институтах, Китай часто предпочитает выстраивать индивидуальные, иерархические связи с отдельными странами, где он выступает как более мощный партнер, что позволяет эффективно применять рычаги давления и избегать коалиций против себя;

- Китай активно создает и продвигает собственные глобальные нарративы («сообщество единой судьбы», «Пояс и Путь»), предлагая альтернативную западной модель мироустройства, основанную на принципах развития, а не политической демократизации, что находит отклик у многих стран Глобального Юга.

Китайская дипломатия представляет собой синтез революционной риторики, многополярной логики разделения сфер влияния и современного геоэкономического прагматизма, действующего под прикрытием концепций «мирного

развития» и «взаимовыгодного сотрудничества» эффективность, которой строится на дисциплине, стратегическом терпении и умении использовать экономическую мощь как основное орудие внешней политики. Идея «сообщества единой судьбы» не возникла на пустом месте ее корни можно проследить в более ранних внешнеполитических установках КНР, таких как «мирный подъем» и «гармоничный мир», которые были призваны смягчить опасения соседей по поводу растущей мощи Китая. Окончательное концептуальное оформление и доктринальное возвышение произошло после 2012 года, что совпало с общей активизацией китайской внешней политики под руководством Си Цзиньпина. Концепция была последовательно вписана в уставы ключевых партийных и государственных документов, включая Устав Коммунистической партии Китая и Конституцию КНР, что подчеркивает ее основополагающий характер. Исторически ее появление отражает переход Китая от скромной, реактивной дипломатии «сокрытия сил и выжидания» к уверенной, проактивной стратегии, направленной на формирование международной повестки дня. Концепция представляет собой многослойную конструкцию, состоящую из нескольких взаимосвязанных элементов: 1) это политический элемент, предполагающий построение нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении, справедливости и сотрудничестве, а не на военно-политических союзах и блоковом противостоянии; 2) экономический элемент, центральным воплощением которого является инициатива «Пояс и Путь» (BRI), которая выступает материальным каркасом «сообщества», создавая инфраструктурную, торговую и финансовую взаимозависимость; 3) элемент безопасности, делающий акцент на комплексной, совместной и устойчивой безопасности, где угрозы решаются диалогом, а не силой; 4) цивилизационный элемент, поощряющий обмен и взаимное обучение между культурами, а не навязывание универсальных моделей.

Концепция «единой судьбы» выполняет несколько критически важных доктринальных функций, прежде всего она служит легитимизирующей идеологией, объясняющей и оправдывающей активную роль Китая в мире. Она переводит национальный интерес в универсальную, привлекательную для других риторику об общих благах: «Важным направлением деятельности Си Цзиньпина по продвижению концепции стало международное гуманитарное сотрудничество, предусматривающее культурный плюрализм, то есть сохранение в условиях глобализации культурных особенностей каждой нации» [3. С. 81]. Во-вторых, это стратегическая рамка, которая упорядочивает многочисленные внешнеполитические инициативы КНР (BRI, Глобальная инициатива развития, инициатива безопасности и т.д.) в единое, понятное целое, когда сама концепция выступает инструментом мягкой силы, предлагающим альтернативное видение мирового порядка, контрастирующее с воспринимаемым как конфронтационный и эгоистичный подход Запада [10. С. 74-78]. Концепция выступает как дипломатический инструмент для взаимодействия с развивающимися странами и соседями по АТР, подчеркивая солидарность «глобального Юга» и общие цели развития и она не просто дополняет китайскую дипломатию, а формирует ее смысловое ядро.

Таблица 1. Стратегические и геополитические преимущества китайской дипломатии в рамках концепции «сообщества единой судьбы человечества» в АТР

Сфера преимуществ	Конкретные проявления в Азиатско-Тихоокеанском регионе
Идеологическое лидерство и формирование повестки	Продвижение концепции позволяет Китаю определять термины дискуссии о региональном порядке, смещая акцент с вопросов безопасности, прав человека и демократии (где доминирует Запад) на развитие, суверенитет и невмешательство, что усиливает китайский нарратив и привлекает страны, недовольные западным морализаторством.
Снижение «угрозы подъема» и минимизация сопротивления	Риторика общей судьбы, взаимной выгоды и «беспроблемного сотрудничества» призвана развеять опасения соседей (особенно в Юго-Восточной Азии) по поводу экспансионизма Китая, представить его рост как возможность, а не риск – это ослабляет потенциальные антикитайские коалиции.
Экономическая интеграция и взаимозависимость	Через BRI и другие механизмы Китай создает глубокую экономическую и инфраструктурную привязку стран АТР к собственной экономике. Это создает рычаги влияния, повышает издержки конфронтации с Пекином для элит этих стран и формирует экономическую основу для лояльности.
Обеспечение безопасности периметра	Акцент на диалоговых механизмах безопасности и совместных действиях (например, в рамках ШОС или китайско-асианского сотрудничества) позволяет Китаю влиять на режимы безопасности в прилегающих морях и территориях, избегая при этом прямых военных обязательств и противостояния с США.
Маргинализация альтернативных моделей и альянсов	Продвижение инклюзивной, неблоковой модели «сообщества» косвенно дискредитирует формат военно-политических альянсов (таких как QUAD или AUKUS), представляя их как пережиток холодной войны, дестабилизирующие и исключающие структуры.
Укрепление институционального влияния	Китай использует концепцию для продвижения своих кандидатов и инициатив в рамках региональных институтов (например, АСЕАН+ механизмы, АТЭС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), постепенно меняя их правила и приоритеты в свою пользу.

Источник: разработано автором.

Представленные преимущества концепции в таблице 1 имеют взаимоподкрепляющий характер, так идеологическое позиционирование напрямую работает на снижение стратегического сопротивления, которое, в свою очередь, облегчает продвижение экономических проектов. Экономическая интеграция создает материальные стимулы для элит стран-партнеров поддерживать китайскую внешнеполитическую риторику и с осторожностью относиться к альянсам,

направленным против Пекина. В совокупности эти преимущества позволяют Китаю не просто участвовать в региональных делах, а активно формировать их архитектуру, постепенно сдвигая центр тяжести в сторону моделей, где его голос и интересы становятся определяющими. Концепция служит «мягкой оболочкой» для реализации вполне конкретных геополитических и геоэкономических задач.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе концепция реализуется через плотную сеть двусторонних и многосторонних взаимодействий, ключевыми платформами являются отношения с АСЕАН, где Китай активно продвигает «общество единой судьбы» как цель стратегического партнерства, а также диалоги в рамках Восточноазиатских саммитов, АТЭС и региональных форумов по безопасности. Инициатива «Пояс и Путь» находит воплощение в крупных инфраструктурных проектах в странах Индокитая, Индонезии, Филиппинах. Однако продвижение концепции сталкивается со значительными вызовами. Главным из них остается стратегическое соперничество с США, которые предлагают свою альтернативную модель «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и укрепляют союзы (AUKUS, QUAD). Многие страны региона, проводя политику балансирования, не готовы безоговорочно принять китайское видение, опасаясь чрезмерной зависимости, так территориальные споры в Южно-Китайском море создают диссонанс между риторикой о совместной безопасности и реальными действиями КНР, тем не менее, Китай продолжает системно работать над устранением этих препятствий, сочетая экономические стимулы, дипломатическое давление и идеологическое убеждение.

Заключение. Концепция «общества единой судьбы человечества» представляет собой не просто пропагандистский лозунг, а сложную доктринальную основу современной китайской дипломатии, особенно значимую в контексте Азиатско-Тихоокеанского региона. Она синтезирует традиционные принципы китайской внешней политики с амбициями глобального лидерства, предлагая идеологическую рамку для легитимации растущей роли КНР в мире через экономическую интеграцию. Китай стремится сформировать вокруг себя стабильное и лояльное окружение, минимизировать риски стратегического сдерживания и постепенно трансформировать региональный порядок в направлении, более соответствующем его национальным интересам и несмотря на существующие вызовы и сопротивление, концепция уже стала оперативным инструментом китайской внешней политики, определяющим ее риторику, цели и методы в ключевом для мировой политики регионе, что свидетельствует о долгосрочном и системном характере амбиций Китая по переустройству международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бирюков С.А. Китай как конкурент США за лидерство в современной системе международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.

2. **Верченко А.Л.** Продвижение Китаем идеи «общества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. DOI 10.24411/2686-7702-2020-10001. EDN GDEHEQ.
3. **Верченко А.Л.** Китайская концепция «общества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. № 27. DOI 10.48647/IFES.2022.60.79.027. EDN LFWBGQ.
4. **Гамерман Е.В.** Политические аспекты экономической безопасности острова Тайвань // Вопросы политологии. 2025. № 5.
5. **Григаревичус А.Р.** Китайский фактор в формировании стратегии Индо-Тихоокеанского региона // Вопросы политологии. 2024. № 10.
6. **Ли Минфу.** Тайцзи против бокса: использование «мягкой силы» в отношениях Китая и США // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. EDN UYJUEN.
7. **Мащенко И.В.** Культурные конфликты в межкультурной коммуникации и их роль в процессе интернационализации экономики // Human Progress. 2024. Т. 10. № 7. DOI 10.46320/2073-4506-2024-7a-25. EDN ULDEDO.
8. **Медведев Н.П.** К вопросу о внешнеполитической стратегии Китая: обзор актуальных исследований // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 1.
9. **Мокрецкий А.Ч.** Китайская дипломатия в «эпоху Си Цзиньпина» // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН, Москва, 14-16 марта 2018 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. EDN VTETAW.
10. **Монахов Г.Д.** Принцип «одного Китая» как норма международного права / Г.Д. Монахов, Р.Р. Тушаков // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). EDN LYYDRR.
11. **Нгуен Тхи Хоанг Оань.** Перспективы сотрудничества России и АСЕАН в структуре Азиатско-Тихоокеанской региональной безопасности // Вопросы политологии. 2024. № 3.
12. **Рубина В.С.** Переосмысление многополярного курса КНР в контексте реализации глобальных инициатив страны: стратегия Си Цзиньпина // Вопросы политологии. 2025. № 9.
13. **Саджид Мостафиз Нахид.** China's Distinct Path in Global Diplomacy: The Rise of China and Shifting Global Order (Part I)/Особый путь Китая в мировой дипломатии: возвышение Китая и изменение мирового порядка (Часть I) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 11.
14. **Семенов А.В.** К вопросу о понятии и интерпретации концепции «общества единой судьбы человечества» / А.В. Семенов, А.В. Цвык // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 1. EDN XFGYIA.

15. Семенов Н.С. О геополитических аспектах реализации инициативы КНР «Один пояс, один путь» в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 9.
16. Хайруллин В.А. Экономика и социология человеческого развития / В.А. Хайруллин, И.А. Кулькова, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. 2024. № 8 (129). DOI 10.46320/2077-7639-2024-8-129-124-00. EDN LZQPZT.
17. Чой Чже Док. Некоторые подходы к определению современного миропорядка // Вопросы политологии. 2025. № 5.
18. Штарк Л.П. Технологический фактор американо-китайского геополитического противостояния // Вопросы политологии. 2024. № 7.

YESATE UNAER

Postgraduate Student of the Department
of Public Policy and History of State and Law Patrice
Lumumba Russian University of Peoples'
Friendship, Moscow, Russia

THE CONCEPT OF A «COMMUNITY OF SHARED FUTURE FOR HUMANITY» AS A DOCTRINAL FOUNDATION FOR CHINESE DIPLOMACY IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Intensifying geopolitical competition in the Asia-Pacific region (APR), the epicenter of global economics and politics, determines the relevance of this study, as China's concept of a «community of shared future for humanity» is positioned as a new doctrinal foundation for its foreign policy, offering an alternative model of regional and global governance in the region. Studying this concept, its tools, and its practical implementation in the Asia-Pacific region allows us to understand the strategic goals, methods, and potential consequences of China's growing influence in this key global region. This study focuses on the foreign policy strategy of the People's Republic of China in the Asia-Pacific region in the 21st century. It also examines the concept of a «community of shared future for humanity» as the doctrinal foundation, ideological framework, and practical tools of Chinese diplomacy in the Asia-Pacific region. The purpose of this study is to analyze the content, genesis, and functions of the concept of a «community with a shared future for mankind,» identifying its role in shaping and promoting China's strategic interests in the Asia-Pacific region. The key elements of this concept are systematized, demonstrating its central doctrinal role in contemporary Chinese diplomacy and identifying the strategic and geopolitical advantages China derives from its promotion in the Asia-Pacific region. This study heuristically confirms that this concept serves not only as a rhetorical construct but also as a multi-layered strategy aimed at reforming the regional order in line with Chinese notions of stability, development, and hierarchy.

Key words: multipolar world, Chinese diplomacy, foreign policy, geopolitics, soft power.